

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Джудас Джейбз Эверетт

**ВЛИЯНИЕ ТРАЕКТОРИЙ РАСПАДА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ НА ПЕРЕХОД К НОВЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ РЕЖИМАМ В
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Ахременко Андрей Сергеевич

Москва – 2023

ЗАМЫСЕЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Постановка исследовательской проблемы

Данное исследование посвящено влиянию траекторий распада коммунистической системы на качество демократии пришедших ей на смену политических режимов. Как распад коммунистических систем, так и посткоммунистические переходные процессы подвергались интенсивному изучению на протяжении десятилетий, но изучались эти явления отдельно друг от друга. Цель данного исследования состоит в том, чтобы соединить эти два неестественным образом разделенных элемента в очень конкретном контексте, а именно в контексте качества демократии. Для этого необходимо разработать подход, способный раскрыть объяснительную силу характера распада режимов на их последующее развитие.

Разделение и обособление подходов к распаду коммунизма и к вопросам переходного периода, с одной стороны, создает проблемы при поиске ответов в литературе, с другой – дает возможность дополнить эту чрезвычайно слабо разработанную область. Даже самые незначительные различия в условиях распада могут дать совершенно разные результаты. Вопрос о том, как этот переломный момент запустил многие другие процессы и определил будущее, на данный момент очень мало изучен, но, безусловно, чрезвычайно важен. Поэтому рассмотрение различий между траекториями распада коммунистических систем, наряду с различиями в реалиях и результатах этого распада, может пролить свет на механизм такого влияния. В данном исследовании основное внимание уделяется политическим системам и, в частности, качеству демократии, хотя аналогичные исследования могут быть проведены в других областях.

Обзор литературы

Основные направления литературы, связанные с данным исследованием, следующие: разнообразие в результатах; разнообразие в траекториях распада; природа режимов; факторы, предшествовавшие распаду; а также взаимоотношения и взаимодействия элит. Разнообразие в результатах посткоммунистических переходов было в центре внимания многих исследований, особенно на ранних этапах переходного процесса. В то время как значительная часть дискуссий была посвящена "шоковой терапии" в сравнении с постепенным переходом¹, дебаты о том, является ли этот переход двойным (демократизация и переход к рынку), тройным (демократизация, переход к рынку, трансформация государственного статуса) или четверным (демократизация, переход к рынку, трансформация государственного статуса,

¹ Vladimir Popov, "Shock Therapy versus Gradualism: The End of the Debate (Explaining the Magnitude of Transformational Recession)," *Comparative Economic Studies* 42, no. 1 (2000): 1–57.

переход к национальному государству), были направлены на расширение дискуссии.² В этом контексте была отмечена необходимость укрепления государственных институтов для содействия эффективной приватизации.³ Часто отмечалось различие между экономическими и политическими переходами.⁴ В политическом плане часто комментировались поляризация и волны демократии и диктатуры⁵, а также вопросы типологизации (например, авторитарные, полуавторитарные и демократические режимы) и «демократия с прилагательными».⁶ Другие распространенные типы включали несовершенную демократию⁷, гибридный режим⁸, управляемую демократию⁹, управляемый плюрализм¹⁰ и суверенную демократию¹¹.

В основе исследования лежит идея о том, что распад коммунистических режимов является «критической развилкой» (critical juncture), поэтому разнообразие в траекториях распада коммунистических режимов крайне важно. Важно отметить, что не все коммунистические режимы рухнули в одно и то же время или не рухнули вообще.¹² Некоторые исследования распада коммунизма имеют широкий охват и рассматривают множество

² Taras Kuzio, “Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple?,” *Politics* 21, no. 3 (2001): 168–77.

³ Michael McFaul, “State Power, Institutional Change, and the Politics of Privatization in Russia,” *World Politics* 47, no. 2 (1995): 210–43.

⁴ Beverly Crawford and Arend Lijphart, “Explaining Political and Economic Change in Post-Communist Eastern Europe: Old Legacies, New Institutions, Hegemonic Norms, and International Pressures,” *Comparative Political Studies* 28, no. 2 (1995): 171–99; Anders Åslund, *Russia’s Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed* (Peterson Institute, 2007).

⁵ Herbert Kitschelt, “Accounting for Post-Communist Regime Diversity,” *What Counts as a Good Cause*, 2003, 49–88; Michael McFaul, “The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World,” *World Politics* 54, no. 2 (2002): 212–44.

⁶ Jack Bielasiak, “Regime Diversity and Electoral Systems in Post-Communism,” *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 22, no. 4 (2006): 407–30; Valerie Bunce, Michael McFaul, and Kathryn Stoner, eds., *Democracy and Authoritarianism in the Post-Communist World* (Cambridge ; New York: Cambridge University Press, 2010); David Collier and Steven Levitsky, “Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research,” *World Politics* 49, no. 3 (1997): 430–51.

⁷ Peter Rutland, “A Flawed Democracy,” *Current History* 97, no. 621 (1998): 313.

⁸ Lilia Shevtsova, “Ten Years After the Soviet Breakup: Russia’s Hybrid Regime,” *Journal of Democracy* 12, no. 4 (2001): 65–70.

⁹ Masha Lipman and Michael McFaul, “‘Managed Democracy’ in Russia: Putin and the Press,” *Harvard International Journal of Press/Politics* 6, no. 3 (2001): 116–27; Timothy J. Colton and Michael McFaul, *Popular Choice and Managed Democracy: The Russian Elections of 1999 and 2000* (Brookings Institution Press, 2003).

¹⁰ Harley Balzer, “Managed Pluralism: Vladimir Putin’s Emerging Regime,” *Post-Soviet Affairs* 19, no. 3 (2003): 189–227.

¹¹ Andrei Okara, “Sovereign Democracy: A New Russian Idea or a PR Project,” *Russia in Global Affairs* 5, no. 3 (2007): 8–20.

¹² Martin K. Dimitrov, ed., *Why Communism Did Not Collapse: Understanding Authoritarian Regime Resilience in Asia and Europe* (New York: Cambridge University Press, 2013).

случаев¹³, в то время как другие фокусируются на отдельных странах¹⁴ или отдельных вопросах, таких как национализм¹⁵ или религия¹⁶.

Разнообразие отмечается не только на этапе распада или перехода, многие подчеркивали различия между самими коммунистическими режимами. Такие различия, как эксперименты с «государственным коммунизмом» внутри СССР¹⁷, за пределами СССР¹⁸ и кадаризм¹⁹, четко выделяются в различных исследованиях. Центральной темой исследований по данному региону было выделение того факта, что регион не был однородным, гомогенным или монолитным²⁰. Работы о коммунистических системах в Восточной Европе часто рассматривали страны региона одну за другой, фокусируясь на развитии каждой из них.²¹ Другие работы фокусировались на СССР и Восточно-Центральной Европе, а также на их взаимоотношениях.²² Более широкие исследования были посвящены политической легитимации в коммунистических государствах²³ и политической культуре²⁴.

Рассматривая глубинные причины провала коммунистических систем, многие находили их в историческом развитии государств.²⁵ Некоторые особенности краха коммунистических режимов касались более мелких вопросов, например, мог ли коммунистический режим в Польше уцелеть, если бы применялась другая избирательная система.²⁶ Выходя за рамки самого распада, были также рассмотрены историческое наследие и его влияние на поведение избирателей в посткоммунистический период.²⁷

¹³ Jacques Lévesque, *The Enigma of 1989: The USSR and the Liberation of Eastern Europe* (Berkeley: University of California Press, 1997); Adrian Pop, "The 1989 Revolutions in Retrospect," *Europe-Asia Studies* 65, no. 2 (March 2013): 347–69, doi:10.1080/09668136.2012.759719.

¹⁴ Serhii Plokhyy, *The Last Empire: The Final Days of the Soviet Union* (New York: Basic Books, a member of the Perseus Books Group, 2014).

¹⁵ Henry E. Hale, "The Parade of Sovereignties: Testing Theories of Secession in the Soviet Setting," *British Journal of Political Science* 30, no. 1 (2000): 31–56.

¹⁶ George Weigel, *The Final Revolution: The Resistance Church and the Collapse of Communism* (Oxford University Press, 2003).

¹⁷ Michael Palij, "The First Experiment of National Communism in Ukraine in the 1920s and 1930s," *Nationalities Papers* 12, no. 1 (March 1, 1984): 19, doi:10.1080/00905998408407987.

¹⁸ M. K. Dzięwanowski, "Gomulka and Polish National Communism: A Brief Historical Sketch," *Probs. Communism* 6 (1957): 43; Andrew Haven, "Tito and Gomulka: Some Contrasts and Comparisons," *Probs. Communism* 6 (1957): 8.

¹⁹ Heino Nyssönen, "Salami Reconstructed. 'Goulash Communism' and Political Culture in Hungary," *Cahiers Du Monde Russe. Russie-Empire Russe-Union Soviétique et États Indépendants* 47, no. 47/1-2 (2006): 153–72.

²⁰ Teresa Rakowska-Harmstone, *Communism in Eastern Europe* (Manchester University Press, 1984).

²¹ Richard Felix Staar, *Communist Regimes in Eastern Europe* (Hoover Press, 1971).

²² Richard F Staar, *East-Central Europe and the Ussr*. (Place of publication not identified: Palgrave Macmillan, 2014).

²³ T. H. Rigby and Ferenc Fehér, *Political Legitimation in Communist States* (London: Macmillan, 1982), <http://books.google.com/books?id=bOFRAQAIAAJ>.

²⁴ Archie Brown, ed., *Political Culture and Communist Studies*, St. Antony's/Macmillan Series (Basingstoke, Hampshire: Macmillan in association with St. Antony's College, Oxford, 1984).

²⁵ Grigore Pop-Eleches, "Historical Legacies and Post-Communist Regime Change," *The Journal of Politics* 69, no. 4 (2007): 908–26, doi:10.1111/j.1468-2508.2007.00598.x; Keith Darden and Anna Grzymala-Busse, "The Great Divide: Literacy, Nationalism, and the Communist Collapse," *World Politics* 59, no. 1 (2006): 83–115.

²⁶ Marek M. Kamiński, "How Communism Could Have Been Saved: Formal Analysis of Electoral Bargaining in Poland in 1989," *Public Choice* 98, no. 1–2 (1999): 83–109.

²⁷ Steven D. Roper and Florin Fesnic, "Historical Legacies and Their Impact on Post-Communist Voting Behaviour," *Europe-Asia Studies* 55, no. 1 (2003): 119–31.

Отношения между элитами и их договоренности являются важным фактором для понимания самих коммунистических режимов, их распада и перехода к демократии, особенно в тех случаях, когда элиты не допускали перехода к полной демократии. Исследовалось то, как диктаторы участвуют в разделении власти, особенно с акцентом на роль политических партий в авторитарных режимах и выборов в обеспечении разделения власти.²⁸ Как и то, почему некоторые диктатуры создают институты, которые могут сдерживать их лидеров, утверждая, что они делают это, поскольку институты способствуют выживанию диктатур.²⁹ В процессе распада коммунистических режимов нельзя упускать из виду роль отношений и переговоров между элитными группами. В первую очередь, роль переговоров за круглым столом с оппозиционными группами³⁰, а также в попытках удержать страны от территориального распада³¹.

Отношения между элитами и массами представляет собой другую важнейшую составляющую этого процесса, - и в части переговоров с оппозиционными группами³², в попытках удержать государство от распада³³, и в создании ограничений и структурировании альтернатив для избирателей, которые могут в результате привести к электоральной поддержке автократов³⁴. Граждане также могли столкнуться с рядом репрессивных мер, изучение эффектов которых было неполным³⁵.

Очевидно, что существует огромное количество литературы по всем обсуждаемым аспектам. Однако этот факт отнюдь не ослабляет, а, напротив, укрепляет позиции данного проекта. Обилие литературы создает солидную опору для диссертационного проекта, а ее фрагментированность – нишу для обобщающего подхода, способного связать траектории распада коммунистических режимов с последующими транзитами в контексте проблемы качества демократии.

Основной исследовательский вопрос

Исследовательский вопрос, который будет применен к выбранным странам,

²⁸ Beatriz Magaloni, "Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule," *Comparative Political Studies* 41, no. 4–5 (2008): 715–41.

²⁹ Carles Boix and Milan W. Svobik, "The Foundations of Limited Authoritarian Government: Institutions, Commitment, and Power-Sharing in Dictatorships," *The Journal of Politics* 75, no. 2 (2013): 300–316.

³⁰ Jon Elster, *The Roundtable Talks and the Breakdown of Communism* (University of Chicago Press, 1996).

³¹ Karen Henderson, "Czechoslovakia: The Failure of Consensus Politics and the Break-up of the Federation," *Regional & Federal Studies* 5, no. 2 (June 1995): 111–33, doi:10.1080/13597569508420927; John Russell, "Improbable Unions: The Draft Union Treaties in the USSR, 1990–1991," *Rev. Cent. & E. Eur. L.* 22 (1996): 389.

³² Elster, *The Roundtable Talks and the Breakdown of Communism*.

³³ Henderson, "Czechoslovakia"; Russell, "Improbable Unions: The Draft Union Treaties in the USSR, 1990–1991."

³⁴ Beatriz Magaloni, *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*, vol. 296 (Cambridge University Press Cambridge, 2006).

³⁵ Christian Davenport, "State Repression and Political Order," *Annu. Rev. Polit. Sci.* 10 (2007): 1–23; Steven Levitsky and Lucan A. Way, *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War* (Cambridge University Press, 2010).

сформулирован следующим образом:

Как различные типы (траектории) распада коммунистических систем повлияли на качество демократии в последующих посткоммунистических режимах?

Цель и задачи

Цель исследования — изучить взаимосвязь между типами (траекториями) распада коммунистической системы в Центральной и Восточной Европе и качеством демократии в посткоммунистических режимах. Эта цель ставит перед исследователем следующие **задачи**:

- Предложить типологию распада коммунистической системы для широкой выборки стран;
- Оценить качество демократии в посткоммунистических режимах;
- Детально изучить процессы перехода на двух отдельных кейсах для выявления механизма влияния типа распада на последующее качество демократии.

Рабочая гипотеза

Помимо исследовательского вопроса, важно также представить гипотезу, которая в результате данного исследования будет принята или отвергнута, и она заключается в следующем:

Смена власти по принципу "сверху вниз" приводит к более высокому качеству демократии.

Обоснование границ исследования

Существует множество ограничений, которые накладываются на любое исследование; первое ограничение, которое необходимо рассмотреть, это вопрос выбора государств, которые должны быть включены в сравнительное исследование. Этот вопрос может быть сформулирован как положительно, так и отрицательно: какие государства должны быть включены в исследование, или какие должны быть исключены. Некоторые страны должны быть исключены, и Германская Демократическая Республика является одним из таких примеров, поскольку впоследствии она объединилась с Федеративной Республикой Германии, что делает невозможным ее включение в сравнительное исследование.

Помимо ограничений, связанных с отбором кейсов, существует проблема времени. Почему такое исследование должно быть проведено именно сейчас? Во-первых, в месяцы и годы после распада коммунизма основное внимание уделялось переходному периоду — как понять и улучшить опыт стран, переживавших переходный период именно в тот момент. Это естественно и понятно, однако времена изменились. Переходные процессы вошли в зрелую

стадию, и необходимо извлечь соответствующие уроки; кроме того, доступность документов позволила историкам составить более полное представление о конце коммунизма и холодной войны.

Учитывая, что изменения все еще продолжаются спустя двадцать пять лет после падения коммунизма, вопрос о том, как ограничить временные рамки исследования, является непростым. Точное определение продолжительности переходного периода — сложный вопрос, являющийся предметом многочисленных споров. Более подробно эти споры будут рассмотрены во второй части данного исследования, где решение о временных рамках имеет наибольшую значимость. Однако, хотя данное исследование сосредоточено на наиболее подходящем для сравнения периоде (до 2004 г.), важно также рассмотреть как можно более полную картину, чтобы избежать впечатления, что за временными рамками остается что-то скрытое, или что временные рамки являются избирательного отбора данных. Поэтому также анализируются и более широкие временные рамки, - иногда вплоть до 2021 года.

Методология

Данное исследование следует логике критических развилок (*critical junctures*), а такая логика является составляющей нового институционализма. Теории демократии, демократизации и коллективного действия также в определенной степени повлияли на данный проект. Методологическая основа исследования строится вокруг типизации траекторий распада и последующего отслеживания развития демократии в рамках различных типов.

Если кратко резюмировать методологию, то распад коммунистических режимов в Европе представляет собой критическую развилку, период институциональной неустойчивости, в течение которого возможны драматические изменения, которые в данной работе подвергаются типизации в соответствии с лучшими практиками.³⁶ Предлагаемыми типами являются **"сверху вниз"**, **"снизу вверх"** и **"изменение суверенитета"**. Типология должна быть взаимоисключающей и совокупно исчерпывающей³⁷. Эти типы и то, как определяются переменные в строках и столбцах, создают взаимоисключающие категории, но эти три типа в совокупности также являются более совокупно исчерпывающими, чем, например, если ограничиваться только типами «сверху вниз» и «снизу вверх». Характеристики каждого типа наглядно представлены в таблице 1.

³⁶ David Collier, Jody LaPorte, and Jason Seawright, "Putting Typologies to Work: Concept Formation, Measurement, and Analytic Rigor," *Political Research Quarterly* 65, no. 1 (March 2012): 217–32, doi:10.1177/1065912912437162.

³⁷ David Collier, Jody Laporte, and Jason Seawright, *Typologies: Forming Concepts and Creating Categorical Variables*, ed. Janet M. Box-Steffensmeier, Henry E. Brady, and David Collier, vol. 1 (Oxford University Press, 2009), doi:10.1093/oxfordhb/9780199286546.003.0007.

Таблица 1. Типы распада и их характеристики

		Тип распада	Основные модели поведения в момент распада			
Коммунистическая система движется к распаду	Распад	Сверху вниз	Реформаторы или революционеры захватывают контроль над центральными органами власти и учреждениями	Политики и элиты играют ключевую роль	Переговоры между элитами (или дворцовые перевороты)	Реформа, начатая политиками, захватившими власть
		Снизу вверх	Граждане обретаю свободу собраний, ассоциаций и высказываний	Массовые низовые движения	Потенциально популистский/националистический характер	Массовая мобилизация играет центральную роль в падении режима
		Изменение суверенитета	Взросшие требования суверенитета/самоуправления/федерализма/передачи полномочий на низовые уровни	Поддержка коммунистической системы/федерации/центрального правительства продолжается до распада страны	Высокая неопределенность в случае отсутствия поддержки центральной власти	Без изменения суверенитета маловероятно, что режим распался бы в данные сроки
	Нет распада		Продолжение (например, Китай)			

Затем выполняется качественный анализ случаев с использованием графического представления в сочетании с существующей литературой, чтобы обеспечить дополнительную глубину исследования. Для выявления причинно-следственных механизмов используется методика отслеживания процессов (process tracing). Мы опираемся на «Process Tracing: From Metaphor to Analytic Tool» («Отслеживание процессов: От метафоры к аналитическому инструменту») Беннетта и Чекела³⁸ и «Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines»

³⁸ Andrew Bennett and Jeffrey T. Checkel, eds., *Process Tracing: From Metaphor to Analytic Tool*, Strategies for Social Inquiry (Cambridge ; New York: Cambridge University Press, 2015).

(«Методы отслеживания процессов: основы и принципы») Бича и Педерсена³⁹, как на две наиболее признанных работы, внесшие наибольший вклад в развитие данного аналитического инструмента. Кроме того, рассматриваются различные возможные фокусы внимания. Основное внимание уделяется сохранению режима, и рассматривается обширная литература по этой теме с упором на недемократические, авторитарные и коммунистические режимы. Важность трех столпов, которые выделил Гершевский, а именно легитимация, репрессии и кооптация, также присутствовали в коммунистических режимах, даже если академические круги, как правило, запаздывали с их идентификацией.⁴⁰ Это заложило основы подхода к рассмотрению самих режимов и отслеживанию процессов, ведущих к определенному типу распада, что помогает объяснить качество демократии в ее первое десятилетие.

Отбор источников данных

При выборе эмпирических данных, в первую очередь, рассматривается распад следующих коммунистических режимов: Союз Советских Социалистических Республик, Польская Народная Республика, Венгерская Народная Республика, Чехословацкая Социалистическая Республика, Народная Республика Болгария и Социалистическая Республика Румыния. В результате распада возникли независимые посткоммунистические режимы Армении, Азербайджана, Беларуси, Эстонии, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Украины и Узбекистана — все из СССР. Кроме того, рассматриваются Албания, Польша, Венгрия, Болгария, Румыния и Монголия, а также Чешская Республика и Словакия — из бывшей Чехословакии. Также рассматриваются Государственный союз Сербии и Черногории, Хорватия, Словения, Македония, и Босния и Герцеговина — все из Югославии. Проводится анализ каждого конкретного случая распада выбранных режимов, опираясь на огромное количество доступной литературы об историческом распаде этих режимов.

Во-вторых, с точки зрения цели исследования рассматривается несколько альтернативных измерений демократии. Некоторые из рассмотренных индексов оказались недостаточно перспективными для решения поставленных задач, чтобы их использовать. Некоторые из потенциальных показателей, которые рассматривались, но не подошли для решения поставленной задачи, включают: индекс демократии, составленный компанией

³⁹ Derek Beach and Rasmus Brun Pedersen, *Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013), 1.

⁴⁰ Johannes Gerschewski, "The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-Optation in Autocratic Regimes," *Democratization* 20, no. 1 (2013): 13–38.

Economist Intelligence Unit (EIU)⁴¹, рейтинг демократии, составленный австрийской некоммерческой организацией⁴², индекс демократии-диктатуры⁴³, и Polity V - последнее издание давно существующего проекта Polity⁴⁴. Отвергая эти показатели, исследователи испытывали потребность в более всестороннем взгляде на демократию и, насколько это возможно, в глубине и широте, которые эти индексы не могли предложить. В результате подход Varieties of Democracy (V-Dem)⁴⁵ был выбран именно потому, что он способен ответить на целый ряд критических замечаний, высказанных исследователями в адрес Polity и других.⁴⁶ Некоторые из них даже утверждают, что V-Dem должен использоваться всегда по умолчанию.⁴⁷

Кейсы, которые были выбраны для углубленного сравнения путем отслеживания процесса (process tracing), — это Польша и Украина. Причин для этого решения несколько. Учитывая проблему географического положения, которое часто обсуждается как имеющее большую объяснительную силу⁴⁸, выбор случая из Азии для сравнения с примером из Европы может оказаться бесплодным. Подход, основанный на максимальных различиях, во многих случаях может быть полезен, но не при рассмотрении различных результатов. Имея это в виду, стоит отметить, что Польша и Украина имеют много общего, помимо географического положения. Обе имеют длительную историю в составе Российской империи, всей территорией или ее частью. У них похожие языки и культура, что устраняет некоторые аргументы, применимые к азиатским или кавказским случаям. При этом имеются и существенные различия. Так, одно государство существовало в рамках СССР, а другое за его пределами на протяжении всего коммунистического этапа. Кроме того, у Польши гораздо более обширная история независимости по сравнению с Украиной. Это может помочь объяснить развитие в Польше чувство нации и государства, которых явно не хватало в Украине. Конкретные

⁴¹ The Economist Intelligence Unit, “EIU Democracy Index 2018 - World Democracy Report,” accessed January 6, 2020, <https://www.eiu.com/topic/democracy-index>.

⁴² admin, “About Us,” *Democracy Ranking*, accessed January 6, 2020, <http://democracyranking.org/wordpress/welcome/about-us/>.

⁴³ José Antonio Cheibub, Jennifer Gandhi, and James Raymond Vreeland, “Democracy and Dictatorship Revisited,” *Public Choice* 143, no. 1–2 (April 2010): 67–101, doi:10.1007/s11127-009-9491-2.

⁴⁴ Harry Eckstein and Ted Robert Gurr, *Patterns of Authority: A Structural Basis for Political Inquiry*, Comparative Studies in Behavioral Science (New York: Wiley, 1975); Gerardo L. Munck and Jay Verkuilen, “Conceptualizing and Measuring Democracy: Evaluating Alternative Indices,” *Comparative Political Studies* 35, no. 1 (February 2002): 5–34, doi:10.1177/001041400203500101.

⁴⁵ V-Dem. “About | V-Dem,” 2020. <https://www.v-dem.net/en/about/>.

⁴⁶ Vanessa A Boese, “How (Not) to Measure Democracy,” *International Area Studies Review* 22, no. 2 (June 2019): 95–127, doi:10.1177/2233865918815571.

⁴⁷ Xavier Fernández i Marín, “V-Dem by Default: Load and Process V-Dem Democracy Scores in R,” *Xavier Fernández i Marín*, accessed August 22, 2020, <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:BtYs7bIcYnMJ:blog.xavier-fim.net/2019/01/v-dem-by-default-load-and-process-v-dem-democracy-scores-in-r/+&cd=1&hl=en&ct=clnk&gl=se>.

⁴⁸ Jeffrey S. Kopstein and David A. Reilly, “Geographic Diffusion and the Transformation of the Postcommunist World,” *World Politics* 53, no. 1 (2000): 1–37.

способы, которыми коммунистические правители стремились обрести легитимность, также в некоторой степени различались. Также важно, что Польша — это чистый тип смены власти «снизу вверх», в то время как Украина — случай изменения суверенитета (и одновременно «сверху вниз»), сравнительное рассмотрение таких различий в траекториях транзита может быть очень показательным.

Вклад исследования в развитие предметного поля

Данное исследование вносит вклад в освещение рассматриваемой проблемы в существующей литературе путем построения подхода, который может связать паттерны распада коммунистической системы с последовавшими за ними режимными переходами. Как уже отмечалось, существует значительное количество литературы, посвященной разнообразию результатов такого перехода⁴⁹, падению коммунистических режимов⁵⁰ и другим факторам, связанным с этим падением⁵¹. Однако эти исследования, как правило, оставались разрозненными, и фактическая траектория распада не учитывалась при обсуждении перехода. В данном исследовании предпринята попытка методологического анализа, чтобы в какой-то мере устранить этот пробел. Были обнаружены данные, которые свидетельствуют о том, что эта попытка не безуспешна. Доказательства в поддержку данного подхода были найдены на всех этапах исследования; однако некоторые могут возразить, что вопрос о типе распада режима является менее значимым, чем такие вопросы, как географическое положение государства или характер прежней государственности. Однако, помимо присутствия своего рода фаталистического принятия слабых шансов страны на прогресс, влияние факторов типа географического положения на исход демократизации представляют собой, как правило, "черный ящик", где видимыми и понятными являются только вход и выход. Более того, если исключения все же появляются, они вызывают вопросы, на которые такие подходы не в состоянии ответить. Преимущества концентрации внимания на типах распада в том, что они легко идентифицируются и измеряются, нет необходимости в ретроспективном анализе. Те, кто наблюдает за распадом в реальном времени, могут делать обоснованные прогнозы о том, какой режим, скорее всего, «родится из пепла». Более того, хотя тип распада, возможно, и является признаком того, что ему предшествовало, до распада это сложно объективно оценить, распад — самый ранний момент, когда такая оценка становится возможной. Это связано с тем, что многие недемократические режимы ревностно скрывают информацию, и размер скрытых оппозиционных движений или контркультур трудно оценить. Из-за пробела в знаниях,

⁴⁹ Popov, "Shock Therapy versus Gradualism: The End of the Debate (Explaining the Magnitude of Transformational Recession)."

⁵⁰ Hale, "The Parade of Sovereignties: Testing Theories of Secession in the Soviet Setting."

⁵¹ Pop-Eleches, "Historical Legacies and Post-Communist Regime Change."

присущего этому типу режима, распад представляет собой первый возможный момент, когда можно реально оценить эти аспекты.

Данное исследование направлено на рассмотрение посткоммунистических переходных процессов и распада коммунистических режимов в единой рамке, в контексте качества демократии. Цель заключалась в разработке подхода, способного придать объяснительную силу типу распада коммунистических режимов. Это было достигнуто и потенциально может быть применено к различным контекстам в будущем.

Положения, выносимые на защиту

1) Выделяются три типа распада коммунистической системы: "сверху вниз", "снизу вверх" и "изменение суверенитета".

2) Объяснительная сила данной типологии может быть усилена за счет рассмотрения смешанных типов.

3) Существует значимая связь между типом падения коммунистического режима и последующим направлением развития страны.

4) Тип распада по принципу "снизу вверх" (в чистом виде или в некоторой комбинации с типом «снизу вверх»), как правило, приводил к демократиям более высокого качества.

5) Те страны, в которых коммунистическая система пала в результате изменения суверенитета, как правило, демонстрировали более низкое качество демократии. Фактически, наибольшая разница наблюдается между первыми двумя типами («сверху вниз», «снизу вверх») и данным («изменение суверенитета»).

6) Отслеживание процесса (process tracing) выявило важность выживания политического класса или вообще какой-либо оппозиции, что представляет собой необходимое, но, возможно, недостаточное условие для высокого качества демократии.

Апробация исследования

Все основные результаты диссертационного исследования были представлены на международных конференциях и в ряде публикаций в рецензируемых научных изданиях. Их список приводится ниже.

Конференции:

1. Эверетт Дж. (2021) «От конституционных изменений до выборов в Думу: образ российского гражданина как неготового к демократии» // 8-я ежегодная Ноттингемская конференция аспирантов по политологии и международным отношениям, Университет Ноттингема, Великобритания (на английском языке).

2. Эверетт Дж. (2020) «Противоречивая природа бюрократического авторитаризма в России» // Международная конференция «Пересмотр связей между гражданами и политиками в современной Европе», Институт социологии Академии наук Чешской Республики, Чешская республика (на английском языке).

3. Эверетт Дж. (2019) «Будущее отношений между ЕС и Россией: общий европейский дом?» // Международная конференции PECSA, Польша, Варшава (на английском языке).

4. Эверетт Дж. (2019) «Советское кино и память: случай покаяния 1987 года» // 10-я ежегодная Международная студенческая конференции Центра изучения истории холодной войны, Университете Корвинус, Венгрия, Будапешт (на английском языке).

5. Эверетт Дж. (2019) «Измерение концентрации власти в политических системах» // 7-я ежегодная Ноттингемская конференция аспирантов по политике и международным отношениям, Университет Ноттингема, Великобритания (на английском языке).

6. Эверетт Дж. (2017) «Как рухнула «сверхнормальность» коммунистических систем» // 8-я ежегодная Международная студенческая конференция Центра изучения истории холодной войны, Университет Корвинуса, Венгрия, Будапешт (на английском языке).

Публикации:

1. Эверетт Дж. Россия в эпоху Путина – случай бюрократического авторитаризма? // *New Perspectives* (Новые перспективы). 2021. Т. 30., № 1. С. 47-67 (на английском языке).

2. Эверетт Дж. Польша и Венгрия: откат от демократии и меняющийся европейский политический ландшафт // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. Том. 23. № 3. С. 394-406 (на английском языке).

3. Реджич Э., Эверетт Дж. Расколы в посткоммунистических странах Европы // *Politics in Central Europe* (Политика в Центральной Европе). 2020. Т. 16. № 1. С. 231-258 (на английском языке).

4. Эверетт Дж., Реджич Э. В поисках представительства: развитие партий венгерского меньшинства в Сербии и Словакии // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2021. Т. 101. № 2. С. 163-182 (на английском языке).

Анализ данных и выводы

Данное исследование посвящено тому, как тип распада коммунистического режима влияет на качество демократии в режиме последующем. Во-первых, дается классификация типов распада для каждого из выбранных коммунистических режимов. Это необходимый шаг для ответа на вопрос о том, как различные типы распада коммунизма повлияли на качество демократии в посткоммунистической системе. Затем проводится анализ каждого отдельного случая, а результаты обобщаются в таблице 2.

Таблица 2. Распад коммунистических режимов – типология

Предшествующее распаду государство	Государство, возникшее в результате распада	Тип распада	Значимые элементы другого типа
Польская Народная Республика	Польша	Снизу вверх	
Венгерская Народная Республика	Республика Венгрия	Сверху вниз	Снизу вверх
Чехословацкая Социалистическая Республика	Чехия	Сверху вниз	Снизу вверх
Чехословацкая Социалистическая Республика	Республика Словакия	Сверху вниз	Изменение суверенитета
Народная Республика Болгария	Болгария	Сверху вниз	
Социалистическая Республика Румыния	Румыния	Снизу вверх	Сверху вниз
СССР	Армения	Снизу вверх	Смена суверенитета
СССР	Азербайджан	Изменение суверенитета	Сверху вниз
СССР	Беларусь	Изменение суверенитета	Сверху вниз
СССР	Эстония	Снизу вверх	Смена суверенитета
СССР	Грузия	Снизу вверх	Смена суверенитета
СССР	Казахстан	Изменение суверенитета	Сверху вниз
СССР	Кыргызстан	Изменение суверенитета	Сверху вниз
СССР	Латвия	Снизу вверх	Смена суверенитета
СССР	Литва	Снизу вверх	Смена суверенитета
СССР	Молдова	Изменение суверенитета	Сверху вниз
СССР	Россия	Сверху вниз	Изменение суверенитета
СССР	Таджикистан	Изменение суверенитета	Сверху вниз
СССР	Туркменистан	Изменение суверенитета	Сверху вниз
СССР	Украина	Изменение суверенитета	Сверху вниз
СССР	Узбекистан	Изменение суверенитета	Сверху вниз

Югославия	Государство Союз Сербии и Черногории	Изменение суверенитета	Сверху вниз
Югославия	Республика Хорватия	Сверху вниз	Изменение суверенитета
Югославия	Республика Словения	Сверху вниз	Изменение суверенитета
Югославия	Республика Македония	Изменение суверенитета	
Югославия	Республика Босния и Герцеговина	Изменение суверенитета	Сверху вниз
Монгольская Народная	Республика Монголия (Монгол Улс)	Сверху вниз	
Народная Социалистическая Республика Албания	Республика Албания	Сверху вниз	

При всей важности максимальной полноты типологии, не будем забывать, что в социальных науках все никогда не бывает просто. Вместо того чтобы игнорировать сложные реалии исследования социальных, цивилизационных и политических явлений, предпочтительнее построить подход, способный охватить как можно больше этих сложных реалий. Поэтому, имея в виду, что типы не являются взаимоисключающими в том смысле, что они неизбежно будут содержать элементы других, необходимо сделать все возможное, чтобы признать эту реальность и включить ее в типологию. В результате каждый случай будет помещен в типологию в зависимости от типа распада, с которой столкнулся этот случай; однако наряду с этим будут указаны существенные элементы другого типа (типов). Хотя это может дать несколько менее контрастную и четкую картину, такой подход является гораздо более всесторонним и лучше отражает сложную реальность одного из самых больших изменений в XX-м веке.

Кратко подытоживая методологию, можно сказать, что падение коммунистических режимов в Европе представляет собой критическую развилку (*critical juncture*), период институциональных изменений. Предлагаемая типология содержит общий подход, представленный в виде конкретных переменных в строках и столбцах, а затем представленный в виде матрицы. В рамках этой типологии выделяют три типа: «сверху вниз», «снизу вверх» и изменение суверенитета. Многие, если не все, случаи будут демонстрировать множественные признаки всех трех типов; однако задача состоит в том, чтобы определить, что является центральным, без чего падение коммунистической системы либо не произошло бы тогда,

когда оно произошло, либо приняло бы совершенно иной характер. Распад видится как запуск процесса перехода, а характер распада, а также момент, когда он произошел, обуславливают весь последующий процесс. Таким образом, установление центрального элемента, который привел к распаду системы, произошедшему в данное место и в данное время, и помещение его в эту типологию принципиально для понимания последующих переходных процессов.

Таблица 3. Расширенная типология

Комбинация первичных + вторичных типов	Кол-во стран	Комментарий
Смена суверенитета + сверху вниз	12	В основном бывшие советские и бывшие югославские республики
Снизу вверх + Смена суверенитета	5	Пять бывших советских республик с сильными общественными движениями
Сверху вниз + Смена суверенитета	4	Россия, две самые «напористые» югославские республики и отколовшаяся от федерации Словакия
Сверху вниз	3	Три независимых государства с незначительным или отсутствующим общественным движением, не оказывающим влияния на переход
Снизу вверх, в том числе в сочетании (в обоих направлениях) с типом «сверху вниз»	4	Четыре независимых государства в ЦВЕ, которые имели сильные общественные движения

Затем в исследовании рассматривались различные подходы к измерению качества демократии и различные потенциальные параметры демократии, в итоге был выбран V-Dem. После этого был проведен качественный анализ случаев с использованием графических представлений в сочетании с существующей литературой, чтобы обеспечить дополнительную глубину анализа. Исследовательский вопрос был сформулирован следующим образом: как различные типы распада коммунизма повлияли на качество демократии в посткоммунистической системе? Гипотеза о том, что обмен властью по принципу "сверху вниз" приводит к более высокому качеству демократий, подтвердилась, хотя результаты обмена властью по принципу "снизу вверх" не сильно отстают. Фактически, наибольшая разница зафиксирована между первыми двумя типами («сверху вниз», «снизу вверх») и данным («изменение суверенитета»). Это наблюдалось даже с учетом географических различий, насилия, предыдущей государственности и предыдущего уровня демократии.

Однако в расширенной типологии (таблица 3), в то время как «смена суверенитета» и группа «сверху вниз» показали худшие результаты, группа «снизу вверх» (либо сама по себе, либо в сочетании, в обоих случаях, со «сверху вниз») показала самые сильные результаты. Это

отличалось от простой типологии и не позволяло принять гипотезу, вместо этого, казалось, отражало важность активного и сильного гражданского общества в сильной демократии.

Применение индекса V-Dem к конкретным случаям

Индекс электоральной демократии призван ответить на вопрос, в какой степени достигнут идеал электоральной демократии в самом полном смысле этого слова. Для ответа на этот вопрос основное внимание уделяется способности реагировать на запросы граждан, что достигается в ходе избирательной конкуренции за получение одобрения электората. Избирательное право должно быть широким, а политические организации, гражданское общество и СМИ должны иметь возможность действовать и выразить альтернативные мнения по вопросам, имеющим политическое значение.⁵²

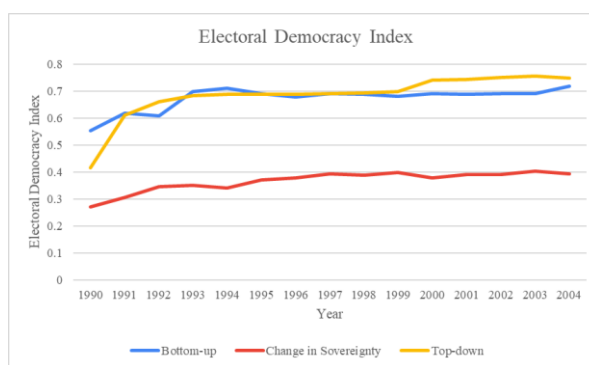

Рис. 1. Индекс электоральной демократии

Индекс электоральной демократии показывает, что группа изменения суверенитета имеет наихудшие показатели. На протяжении большей части периода группа "сверху вниз" и группа "снизу вверх" показывают одинаково высокие результаты, но к концу периода "сверху вниз" выходит вперед. Однако ни разу изменение суверенитета по показателям демократии не приблизилось к уровню двух других групп.

Индекс либеральной демократии. Индекс либеральной демократии, рассматривает вопрос о том, в какой степени достигнут идеал либеральной демократии. На практике этот индекс фокусируется на защите индивидуальных прав и прав меньшинств. Существует негативный взгляд на политическую власть, поскольку она фокусируется на ограничениях, налагаемых на правительство, чтобы оно могло действовать как тирания большинства. Особый интерес представляют сильное верховенство закона, независимая судебная система и эффективная система сдержек и противовесов.⁵³

⁵² Michael Coppedge et al., "V-Dem Codebook V10," *SSRN Electronic Journal*, 2020, 10, doi:10.2139/ssrn.3557877.

⁵³ Coppedge et al., "V-Dem Codebook V10."

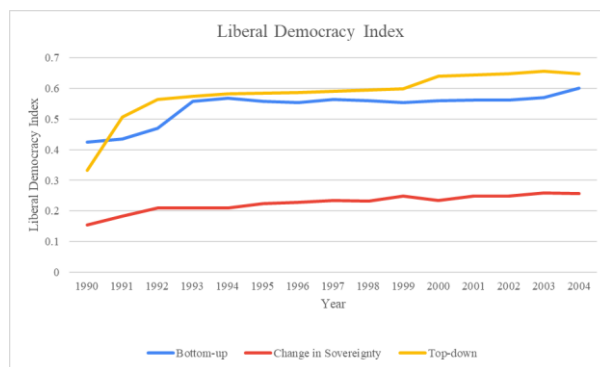

Рис. 2. Индекс либеральной демократии

Индекс либеральной демократии демонстрирует те же закономерности, что и индекс электоральной демократии. Во-первых, группа изменения суверенитета снова показывает очень плохие результаты и даже не приближается к двум другим. Во-вторых, группы "сверху вниз" и "снизу вверх" показывают схожие результаты, но позже группа "сверху вниз" выходит вперед.

Индекс демократии участия. Индекс демократии участия стремится ответить на вопрос: в какой степени достигнут идеал демократии участия. Здесь особое внимание уделяется активному участию и вовлечению граждан. Прямая демократия и вовлечение в деятельность организаций гражданского общества особенно важны для этого индекса.

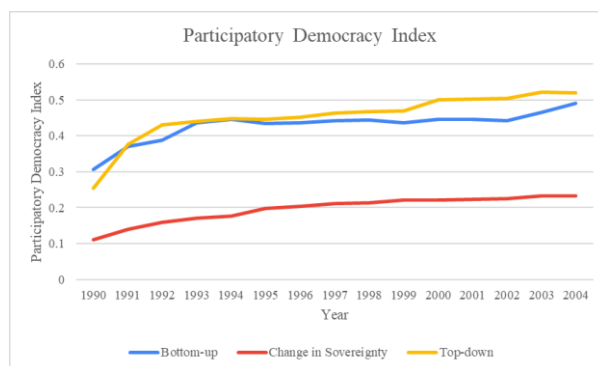

Рис. 3. Индекс демократии участия

Те же закономерности, которые прослеживались в предыдущих индексах, присутствуют и в Индексе демократии участия. Группа "изменение суверенитета" имеет наихудшие показатели с большим отрывом, а группа "сверху вниз" является самой сильной, немного опережая группу "снизу вверх".

Индекс делиберативной демократии. В Индексе делиберативной демократии рассматривается вопрос о том, в какой степени достигнут идеал совещательной демократии. В этом индексе в центре внимания находится процесс, посредством которого принимаются решения в государстве. Политические решения, которые основаны не на эмоциональных

взываниях, солидарных привязанностях, узких интересах или принуждении, а на общем благе, будут иметь более высокий балл по этому индексу.⁵⁴

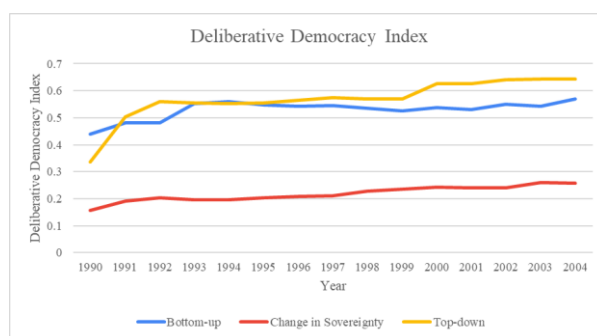

Рис. 4. Индекс делиберативной демократии

И вновь Индекс делиберативной демократии демонстрирует картину, схожую с предыдущими индексами. Снова "изменения в суверенитете" имеют наихудший показатель, "сверху вниз" - наилучший (в большинстве случаев), а "снизу вверх" - стабильно высокий.

Индекс эгалитарной демократии. Индекс эгалитарной демократии ставит вопрос: в какой степени достигнут идеал эгалитарной демократии? Эгалитарная демократия может считаться успешно достигнутой, если права и свободы отдельных лиц защищены одинаково во всех социальных группах, а ресурсы распределены одинаково между всеми социальными группами. Более того, группы и отдельные лица должны иметь равный доступ к власти.⁵⁵

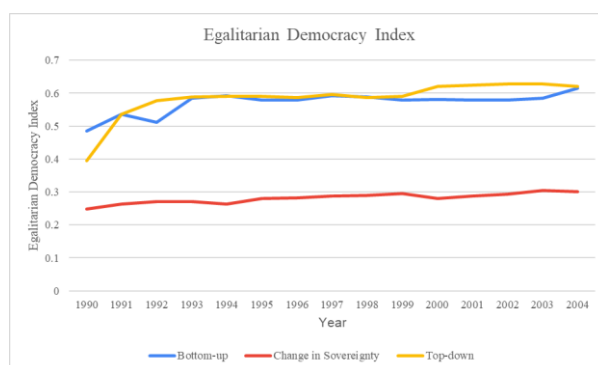

Рис. 5. Индекс эгалитарной демократии

В индексе эгалитарной демократии две самые сильные группы - "сверху вниз" и "снизу вверх". Группа "снизу вверх" остается сильнейшей в течение некоторого времени, но разница между этой группой и группой "сверху вниз" незначительна. Группа "изменение суверенитета" стабильна, но стабильна в своих низких показателях.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid.

Расширенная типология

Индекс электоральной демократии.

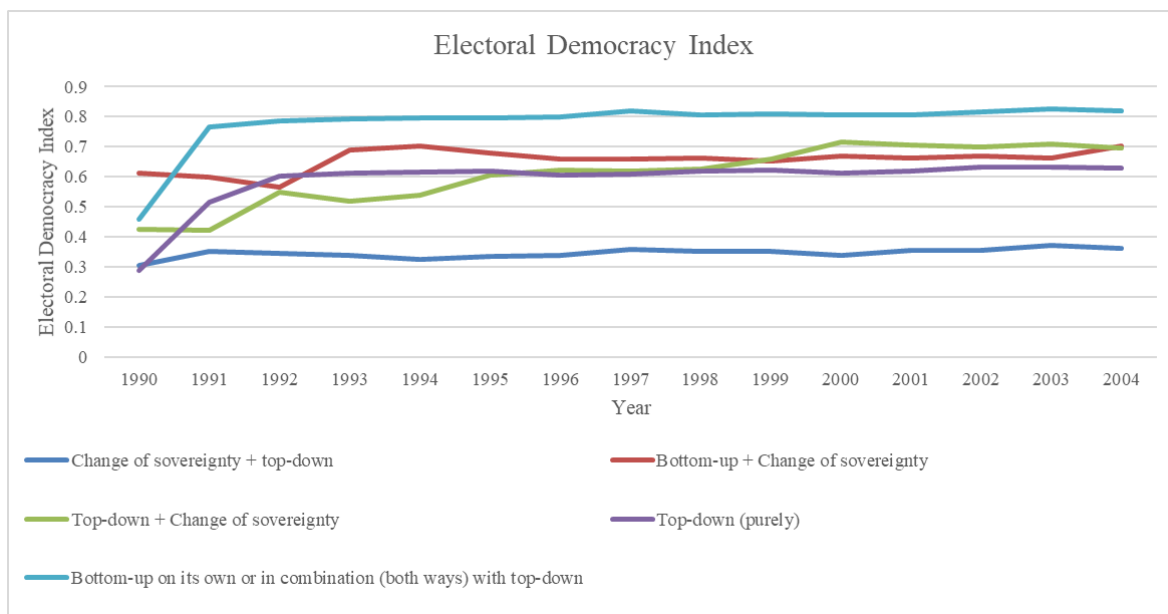

Рис. 6. Индекс электоральной демократии

Первым из показателей V-Dem является индекс электоральной демократии. Что ясно видно, так это то, что группа «снизу вверх» (либо сама по себе, либо в сочетании со «сверху вниз») работает лучше всего, в то время как смена суверенитета и группа «сверху вниз» в некотором роде работает хуже всего. В начале рассматриваемого периода между тремя оставшимися группами наблюдаются некоторые различия, но к концу периода они в значительной степени сближаются.

Индекс либеральной демократии. Вторым показателем V-Dem является индекс либеральной демократии, где группа «снизу вверх» (либо сама по себе, либо в сочетании, в обоих случаях, со «сверху вниз») снова работает лучше всего, а изменение суверенитета и группа «сверху вниз» снова показала худшие результаты.

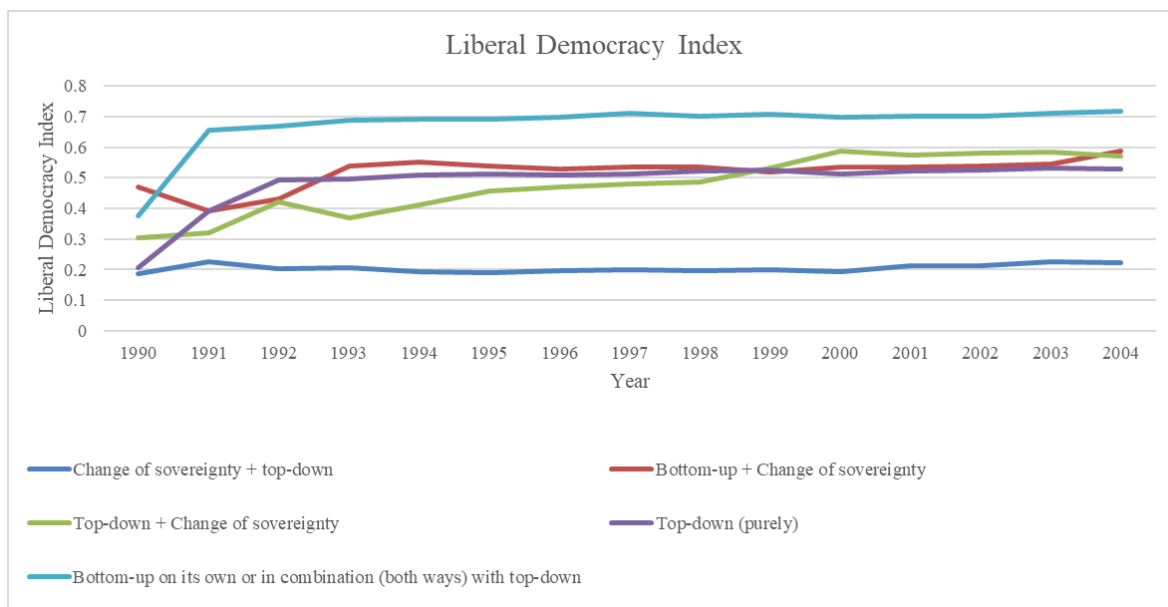

Рис. 7. Индекс либеральной демократии

Индекс делиберативной демократии.

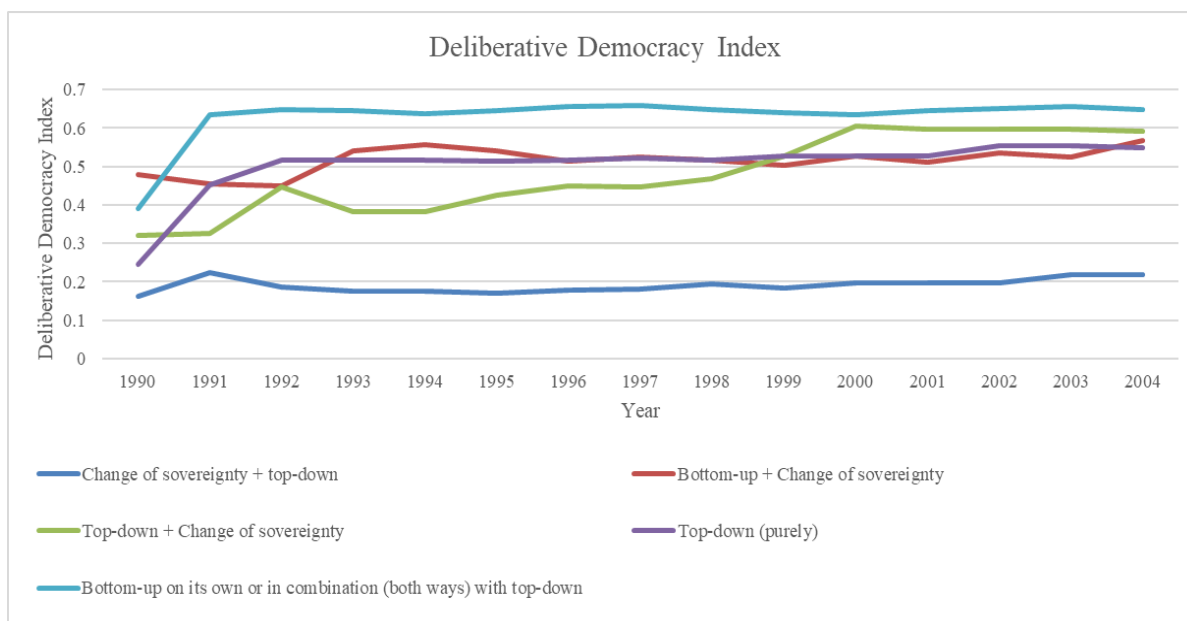

Рис. 8. Индекс делиберативной демократии

Третьим рассматриваемым показателем V-Dem является индекс делиберативной демократии. Изменение суверенитета и группы «сверху вниз» на некотором расстоянии показывают худшие результаты. Однако группа «сверху вниз» и «изменение суверенитета» работает почти так же хорошо, как группа «снизу вверх» (либо сама по себе, либо в сочетании, в обоих случаях, с группой «сверху вниз»). Чистые типы «сверху вниз» и «снизу вверх» с изменением суверенитета группы работают неплохо, но все же отстают от «сверху вниз» и

группы с изменением суверенитета и «снизу вверх» (либо сами по себе, либо в комбинации, в обоих направлениях, со «снизу вверх») группами.

Индекс демократии участия.

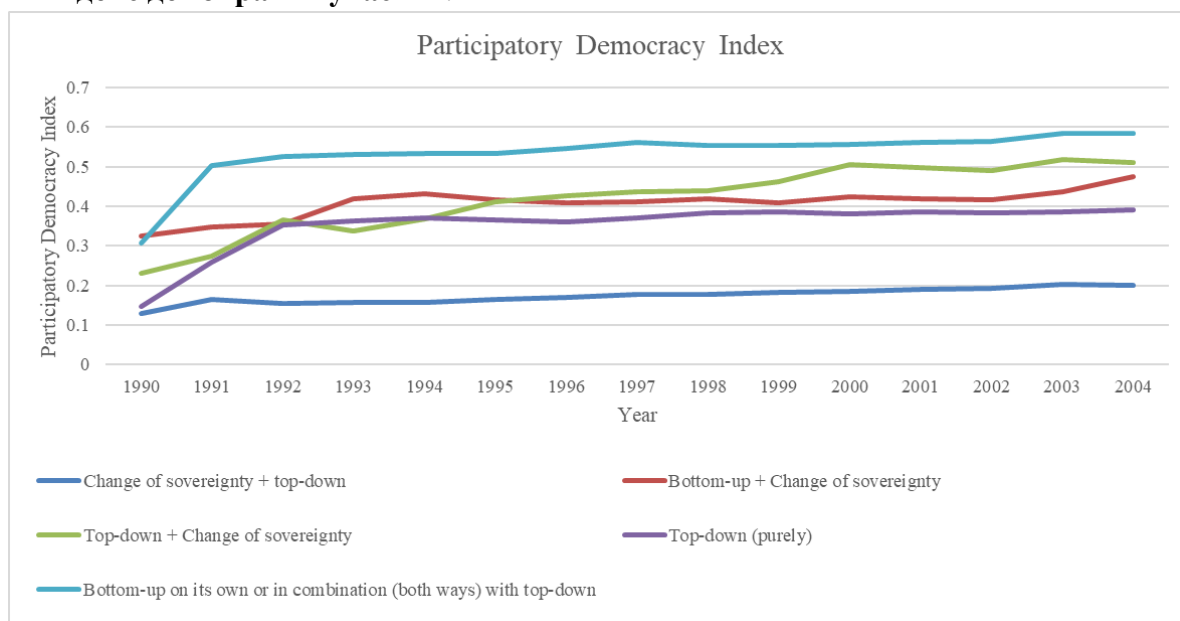

Рис. 9. Индекс демократии участия

Четвертая мера V-Dem — это индекс партиципаторной демократии, в котором смена суверенитета и группы «сверху вниз» неизменно показывают слабые результаты, группа «снизу вверх» (либо сама по себе, либо в сочетании, в обоих случаях, со «сверху вниз») является самой сильной, а в трех оставшихся группах наблюдаются значительные различия. Группа «сверху вниз» и изменения суверенитета является самой сильной из этих трех, за ней следует группа «снизу вверх» и изменение суверенитета и, наконец, группа «сверху вниз».

Индекс эгалитарной демократии. Пятой и последней мерой V-Dem является индекс эгалитарной демократии. Опять же, смена суверенитета и группа «сверху вниз» имеют самое низкое качество демократии, а группа «снизу вверх» (либо сама по себе, либо в сочетании, в обоих случаях, со «сверху вниз») имеет лучшее качество. Остальные три группы довольно изменчивы, причем чисто группа «сверху вниз» является самой слабой, а «сверху вниз» и смена суверенитета и «снизу вверх» плюс смена суверенитета периодически опережают друг друга.

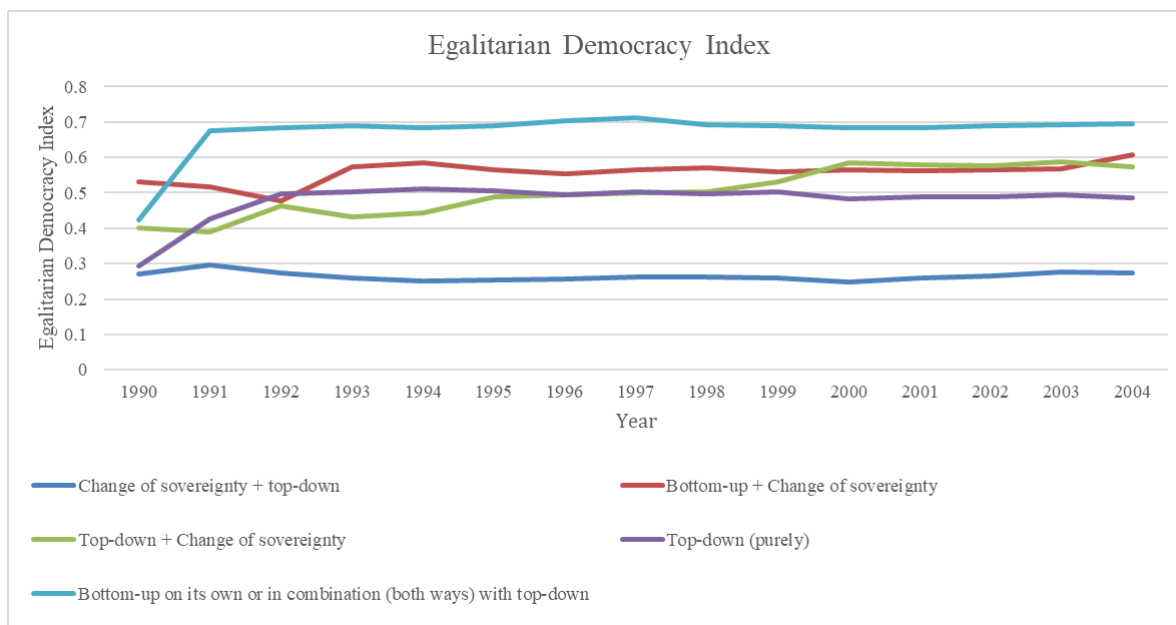

Рис. 10. Индекс эгалитарной демократии

Гипотеза, состоящая в том, что смена власти по принципу «сверху вниз» привела к более качественной демократии, на этапе анализа базовой типологии получила некоторые подтверждающие доказательства. Однако, с использованием расширенной типологии, это уже не так: траектория «снизу вверх» явно выглядит самой сильной либо сама по себе, либо в сочетании со «сверху вниз». Причина может заключаться в роли гражданского общества, которое считается основным элементом либерально-демократических теорий в целом⁵⁶. Примечательны усилия таких ученых, как Локк, по наделению гражданского общества самостоятельной политической значимостью. В более современных примерах демократизации роль гражданского общества продолжает оставаться популярным элементом для изучения. Будь то Южная Африка⁵⁷, франкоязычная Африка⁵⁸, Африка в целом⁵⁹, Центральная Америка⁶⁰, Латинская Америка и Ближний Восток⁶¹, Западные Балканы⁶²,

⁵⁶ John Garrard, Vera Tolz, and Ralph White, eds., *European Democratization since 1800* (Houndmills, Basingstoke, Hampshire : New York: Macmillan ; St. Martin's press, 2000).

⁵⁷ Craig Charney, "Civil Society, Political Violence, and Democratic Transitions: Business and the Peace Process in South Africa, 1990 to 1994," *Comparative Studies in Society and History* 41, no. 1 (1999): 182–206.

⁵⁸ Celestin Monga, "Civil Society and Democratisation in Francophone Africa," *The Journal of Modern African Studies* 33, no. 3 (1995): 359–79.

⁵⁹ Elke Zuern, "The Changing Roles of Civil Society in African Democratisation Processes," in *Consolidation of Democracy in Africa* (Routledge, 2017), 95–137.

⁶⁰ Frits Wils, *The Politics of Civil Society Building: European Private Aid Agencies and Democratic Transitions in Central America* (JSTOR, 1999).

⁶¹ Mehran Kamrava and Frank O. Mora, "Civil Society and Democratisation in Comparative Perspective: Latin America and the Middle East," *Third World Quarterly* 19, no. 5 (1998): 893–915.

⁶² Vesna Bojicic-Dzelilovic, James Ker-Lindsay, and Denisa Kostovicova, *Civil Society and Transitions in the Western Balkans* (Springer, 2013).

посткоммунистический мир⁶³, роли гражданского общества в переходных процессах и демократизации, несомненно, уделяется огромное внимание.

Вышеизложенные результаты анализа выбранных показателей V-Dem предоставляют доказательства, которые стимулируют продолжение процесса построения теории. Анализ показателей V-Dem был подкреплён качественным анализом на основе обширной литературы по посткоммунистическому переходу. На этом этапе было справедливо сделать вывод, что многие конкурирующие объяснения демонстрируют определенные доказательства в свою пользу. Однако на данном этапе невозможно было получить исчерпывающее объяснение того, **как и почему**. Поэтому в следующем разделе мы проследили процессы в конкретных случаях, чтобы лучше понять причинно-следственные механизмы, которые могут подтвердить или опровергнуть связь между падением коммунистического режима и качеством демократии.

Изучение самих переходных процессов было предметом интенсивного исследования в течение десятилетий, гибель коммунистических режимов также подробно изучалась, однако эти два явления оставались заметно разделёнными. Поэтому были предприняты попытки построить подход, который мог бы связать распад коммунистических режимов с последующими переходами в контексте качества демократии. В первой части была разработана типология для различных типов распада, затем во второй части эти типы были сопоставлены с качеством демократии для того, чтобы определить, существуют ли свидетельства, способствующие изучению распада коммунистических режимов и посткоммунистического качества демократии вместе. Были обнаружены доказательства, свидетельствующие о наличии взаимосвязи, но эти доказательства не позволяли определить, как и почему эти связи возникают. Поэтому в третьем разделе мы продолжили поиск доказательств, но на этот раз сосредоточились на причинно-следственных механизмах, которые могли бы дать такие объяснения, ранее отсутствовавшие.

Отслеживание процессов было выбрано непосредственно потому, что это именно та методология, которая может выявить причинно-следственные механизмы. Однако одного только отслеживания процессов было недостаточно, и в ходе исследования основное внимание было уделено способам легитимации недемократических режимов. Работа Гершевски, особенно его три столпа — легитимация, репрессии и кооптация — была центральной в попытке найти причинно-следственные механизмы посредством отслеживания процессов. В целом, в двух выбранных случаях репрессии, кооптация и стратегии легитимации, похоже, были частью процесса распада коммунистических режимов и продолжали оказывать влияние на посткоммунистическую демократию. Основное внимание

⁶³ Andrew T. Green, "Comparative Development of Post-Communist Civil Societies," *Europe-Asia Studies* 54, no. 3 (2002): 455–71.

было уделено первому десятилетию, и есть свидетельства того, что они, как минимум, напрямую повлияли на него. Однако то, что именно в этом временном промежутке влияние ощущалось наиболее сильно, не означает, что оно внезапно прекратилось, скорее всего, оно ощущается и сегодня, хотя и в меньшей степени.

В ходе проведенного здесь исследования было выявлено, что выживание этого политического класса или вообще какой-либо оппозиции представляет собой необходимое, но, возможно, недостаточное условие для сильного качества демократии. Более того, важным аспектом является идеологическое разнообразие среди элит и отдельных лиц, образующих партии. Направление политики, несомненно, также крайне важно, в идеале политики и гражданское общество должны быть едины в своем неприятии коммунистической системы и принятии реформ. Такое неприятие, по-видимому, коренится в провале и отвержении коммунистических методов легитимации.

Тот факт, что в Польше сохранилась элита, может быть неправильно понят как вопрос национальной принадлежности. Однако на самом деле это в лучшем случае лишь косвенное объяснение проблемы выжившей элиты. Яркий характер украинского общества, даже политического общества, до репрессий сталинской эпохи показывает, что Украина располагала обществом, которое вполне могло бы дать такие же результаты, как и Польша, если бы не жесткие репрессии, которые затормозили социальный рост. Другими словами, государственность имеет значение лишь настолько, насколько она создает сильное гражданское общество и элиту. Это также проявляется в политике: так, Польша была более сплоченной в проведении политического курса, чем Украина, но это также является результатом ограничения украинского общества в результате жестких репрессий, так как элита, выступающая за сплоченную украинскую идентичность, на определенном этапе действительно существовала. Дело в том, что развитие общества в Украине было заторможено в результате жестких репрессий, что не позволило достичь результата, аналогичного польскому.

Возвращаясь к общим целям изучения влияния моделей распада коммунистической системы на переход к новым режимам в Восточной Европе, становится ясно, что существует определенная связь между распадом и последующим транзитом. Однако растворение и переход являются частью процессов, начавшихся задолго до того, как это произошло, что отражает исследования Эдвардса, которые показали, что революции не были причиной социальных изменений, а фактически были крайним выражением ранее недооцененных социальных изменений⁶⁴.

⁶⁴ Lyford P. Edwards, *The Natural History of Revolution*, The Heritage of Sociology (Chicago: University of Chicago Press, 1970).

Выводы

Исследование было разделено на три части. Первая часть посвящена построению типологии распада коммунистических режимов. Была предоставлена методология, основанная на концепции социальных движений и исследованиях суверенитета. Затем эта методология была применена к отобранным случаям: процесс распада в каждой рассматриваемой стране был классифицирован. Любой анализ качества демократии должен начинаться с выбора подхода, с помощью которого можно судить о качестве самой демократии. Было рассмотрено множество различных индексов, но в конечном итоге были выбраны меры V-Dem, поскольку они, как было показано, давали преимущества по сравнению с Polity IV или Freedom House. При тестировании гипотезы на этом материале было получено несколько значимых результатов, позволяющих ответить на исследовательский вопрос. Траектория «сверху-вниз», рассматриваемая как «чистый тип», действительно показала лучшие результаты, но лишь с незначительным и не всегда проявляющимся превосходством над «снизу вверх». Изменение типа суверенитета показало себя заметно хуже, чем две другие группы. Однако в расширенной типологии группа «снизу вверх» (либо сама по себе, либо в сочетании со «сверху вниз») показала самые сильные результаты, в то время как смена суверенитета и группа «сверху вниз» показали худшие результаты. Это отличие от базовой типологии существенно и не позволяет принять исходную гипотезу.

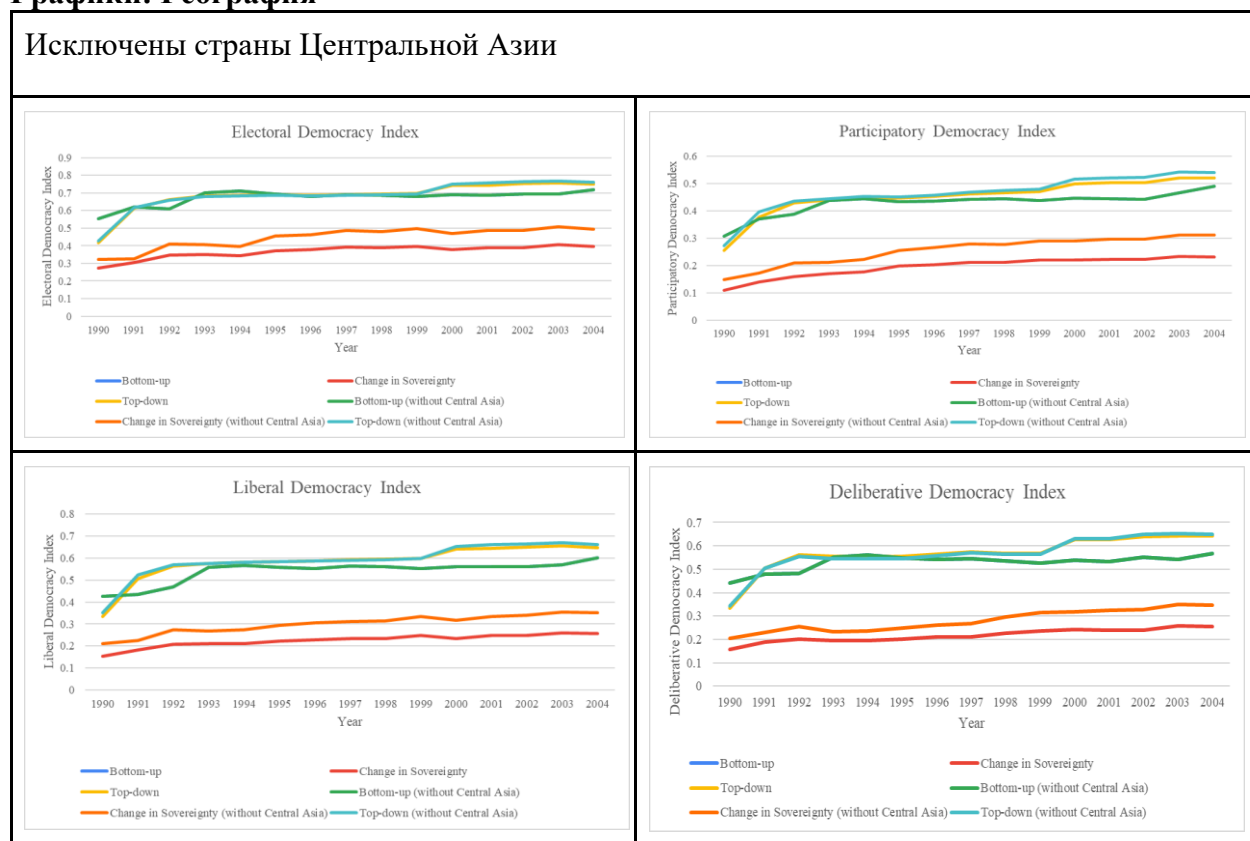
В данном исследовании предпринята попытка решить исследовательский вопрос, связанный с существующим разрывом в академической среде, разделением и обособлением подходов к распаду коммунизма и многим проблемам переходного периода. Цели и задачи были достигнуты, исследовательский вопрос решен, а гипотеза подтверждена. Представляется, что подход, который позволяет связать распад коммунистических режимов с последующими переходами, был разработан. Вопрос о том, как этот этап запустил многие другие процессы и обусловил будущее, изучен слабо, но он, безусловно, крайне важен. Основное внимание было уделено политическим системам и, в частности, качеству демократии, хотя возможно провести очень похожие исследования и в различных других областях. Преимущества внимания к типам распада в том, что они легко идентифицируются и измеряются, нет необходимости ждать результата. Те, кто наблюдает за распадом в реальном времени, могут делать обоснованные прогнозы относительно того, какой режим, скорее всего, восстанет из пепла. Более того, хотя тип распада, возможно, является признаком того, что ему предшествовало, до распада ситуацию трудно оценить объективно, распад - самый ранний момент, когда такая оценка возможна. Это связано с тем, что многие недемократические режимы ревностно охраняют информацию, и размер контрдвижений или контркультур трудно

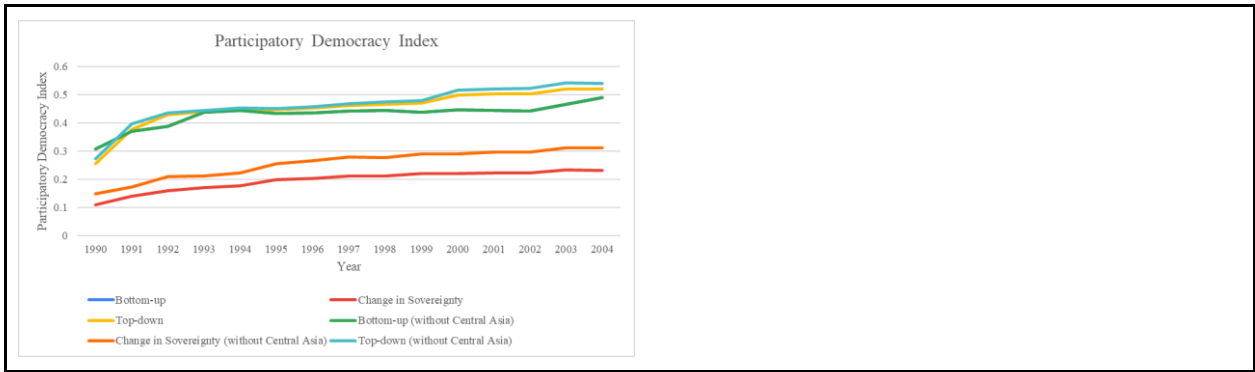
оценить. Из-за пробела в знаниях, присущего этому типу режима, распад представляет собой первый возможный момент, когда можно оценить такие вопросы.

Данное исследование представляет собой лишь начало в изучении взаимосвязи между распадом коммунистических режимов и последующими переходами. В будущих исследованиях трудоемкая работа по отслеживанию процессов может быть расширена и включать в себя множество различных примеров. Выход за пределы других примеров и в другие кейсы, например, экономические, также может принести результаты. Помимо дальнейшего применения к коммунистическим примерам, применение данного подхода к другим, в другие периоды и в других географических локациях позволило бы лучше определить общую применимость данного подхода. Дальнейшее рассмотрение того, как определенные моменты могут запустить другие процессы и обусловить будущее, может оказаться еще более плодотворным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

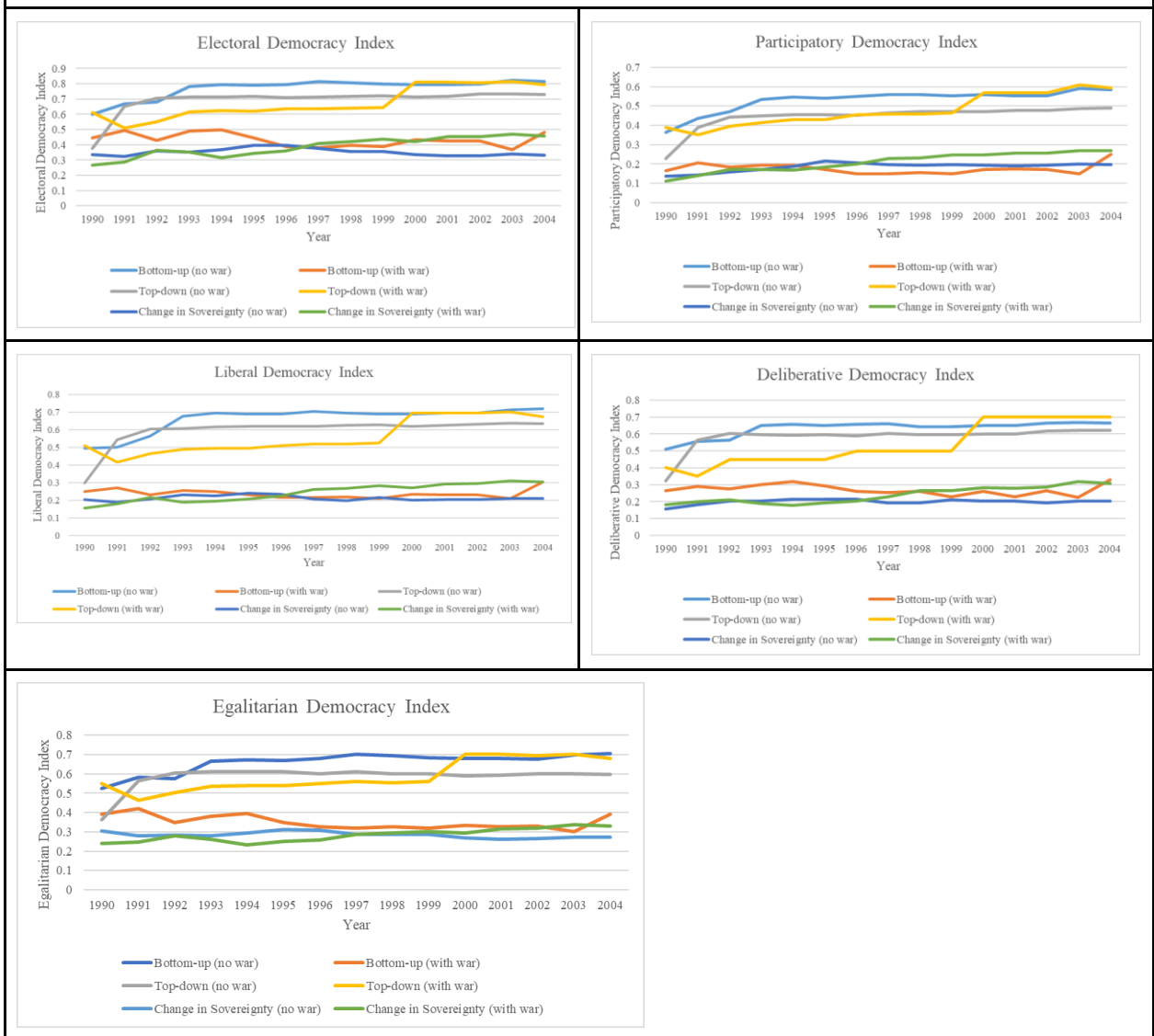
Графики: География

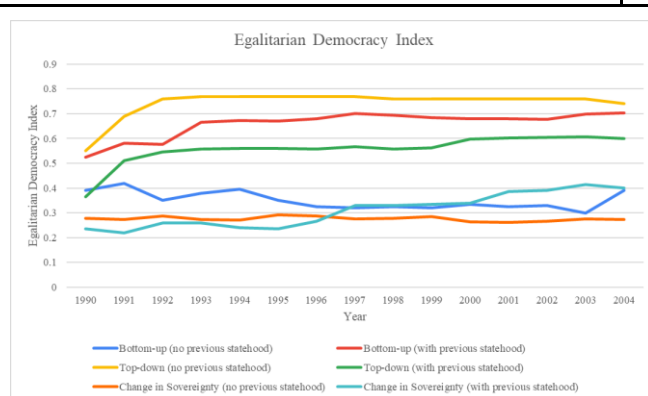
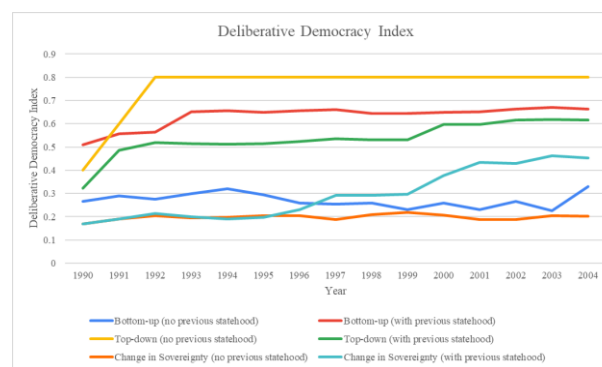
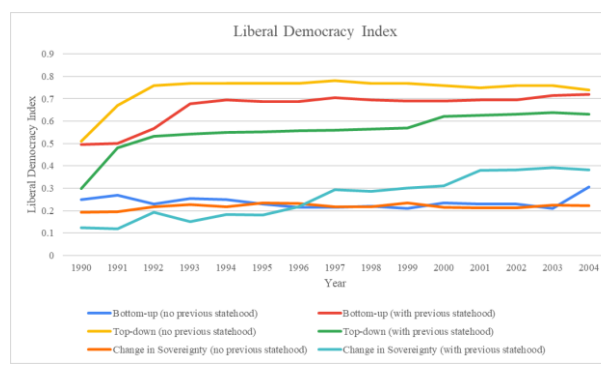
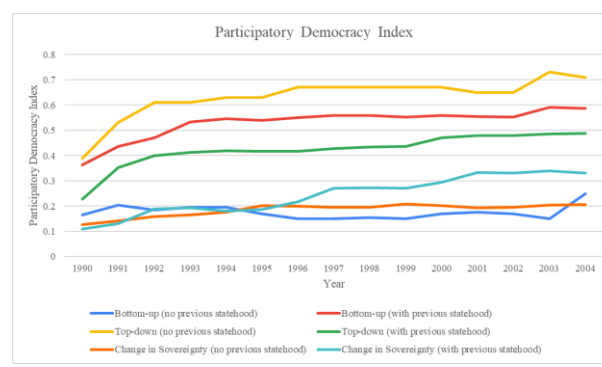
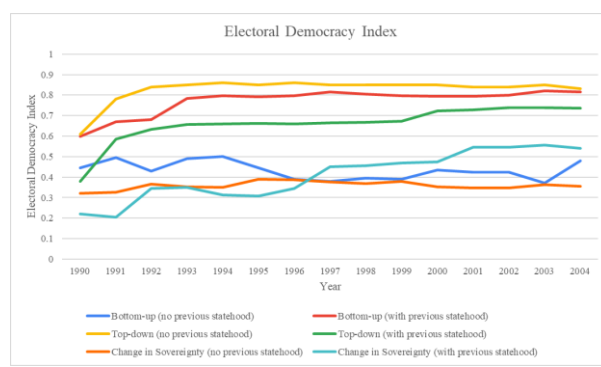
Графики: Насилие

Наличие или отсутствие войны

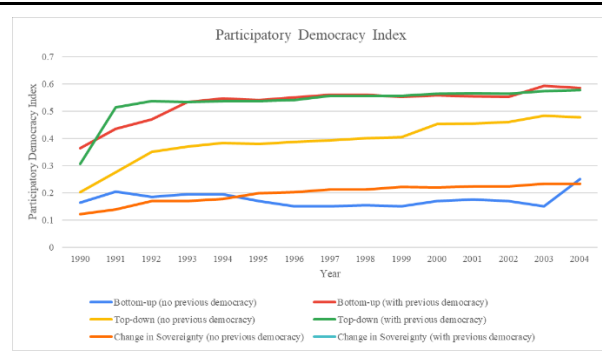
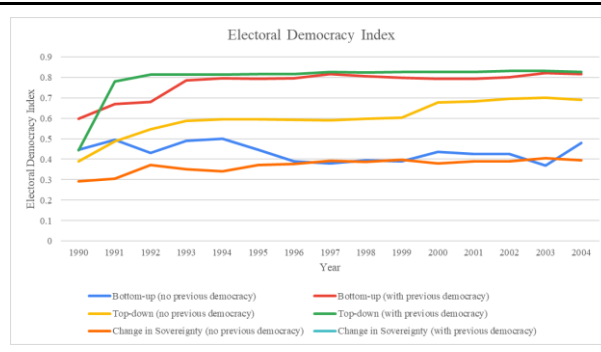
Графики: Предыдущая государственность

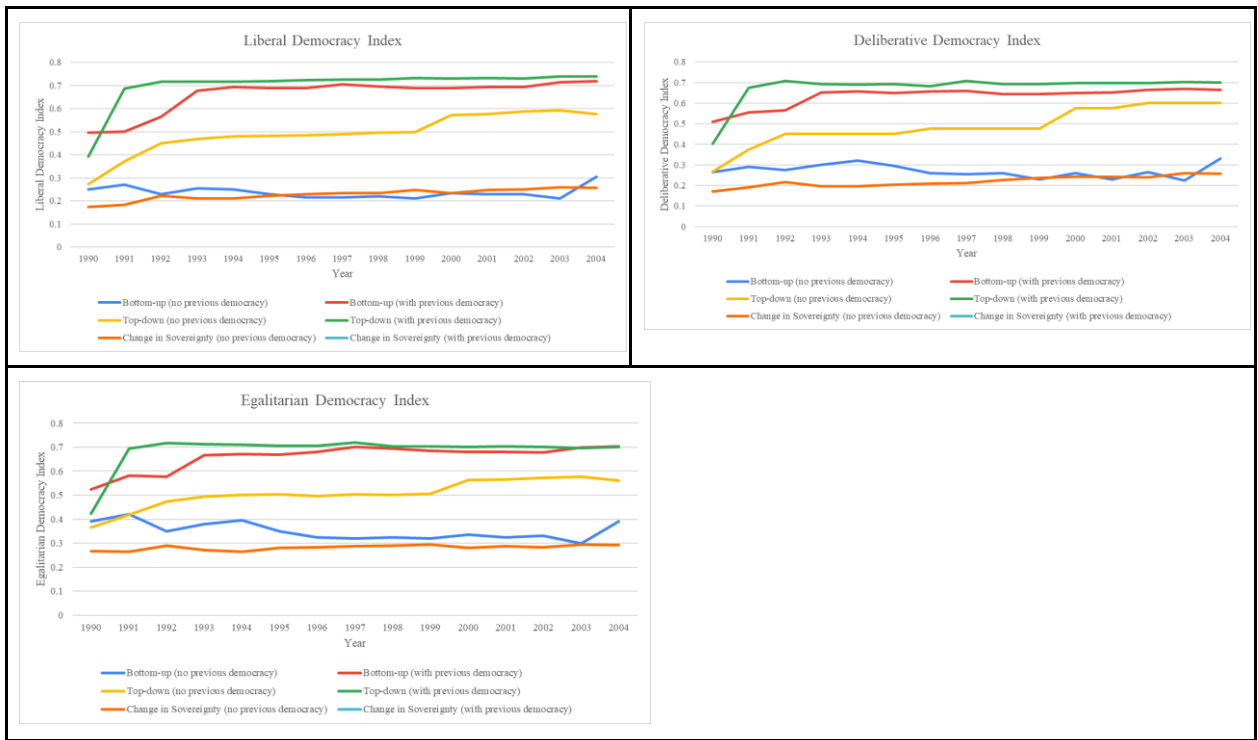
Предыдущая Государственность

Графики: Предыдущая демократия

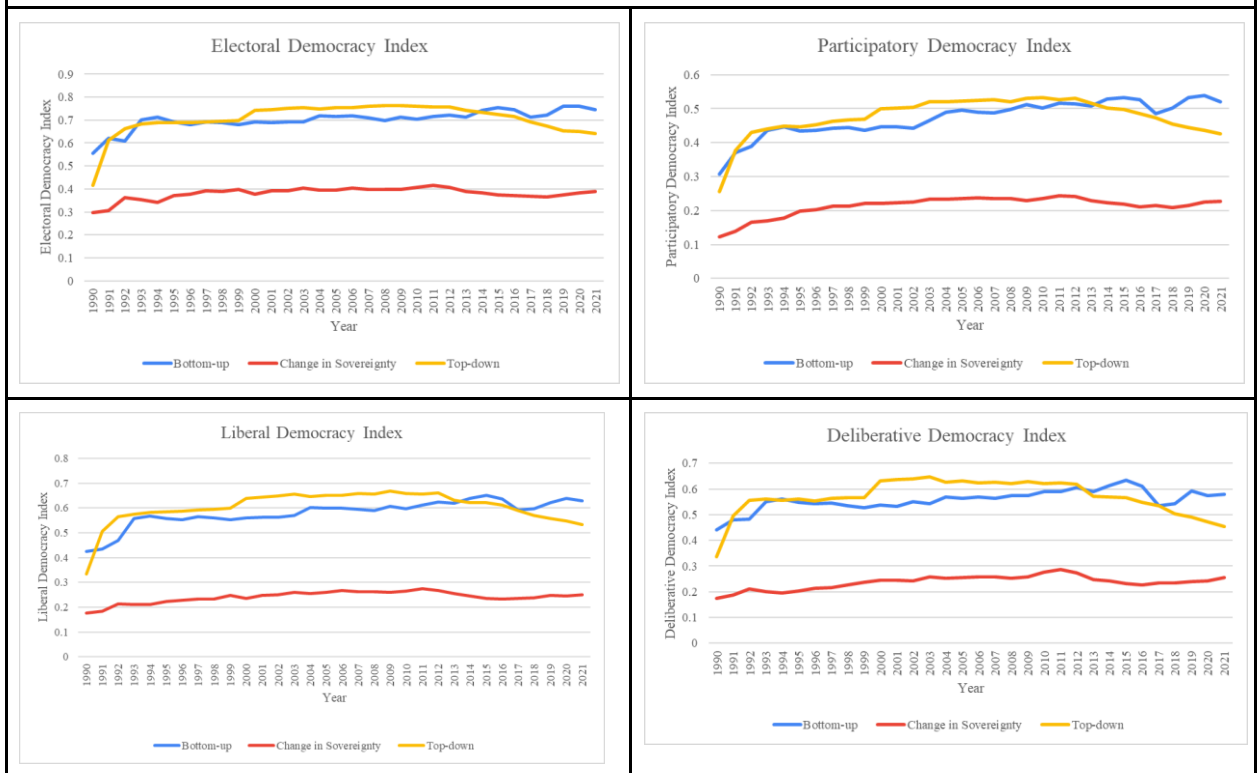
Предыдущая Демократия

Графики: Изменения после 2004 года

Изменения после 2004 года

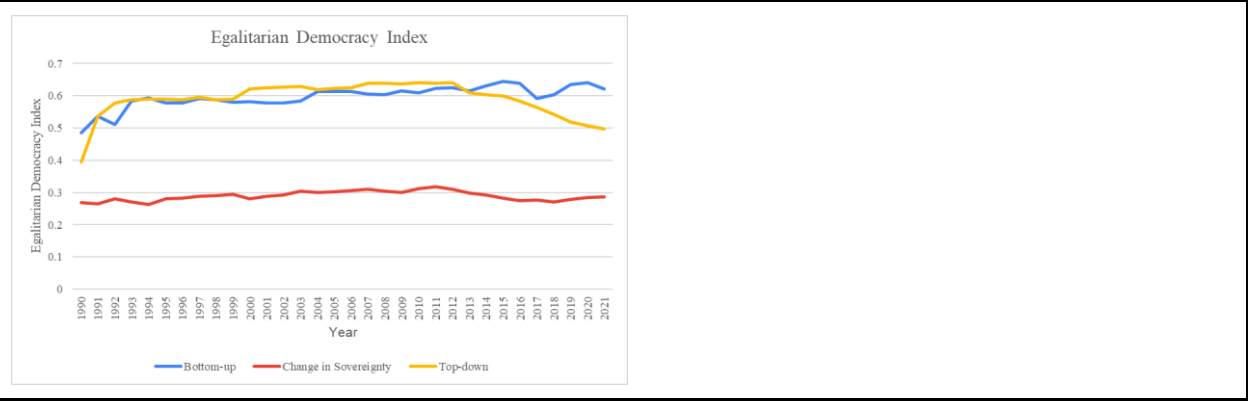

График отслеживания процессов: Обзор Польши

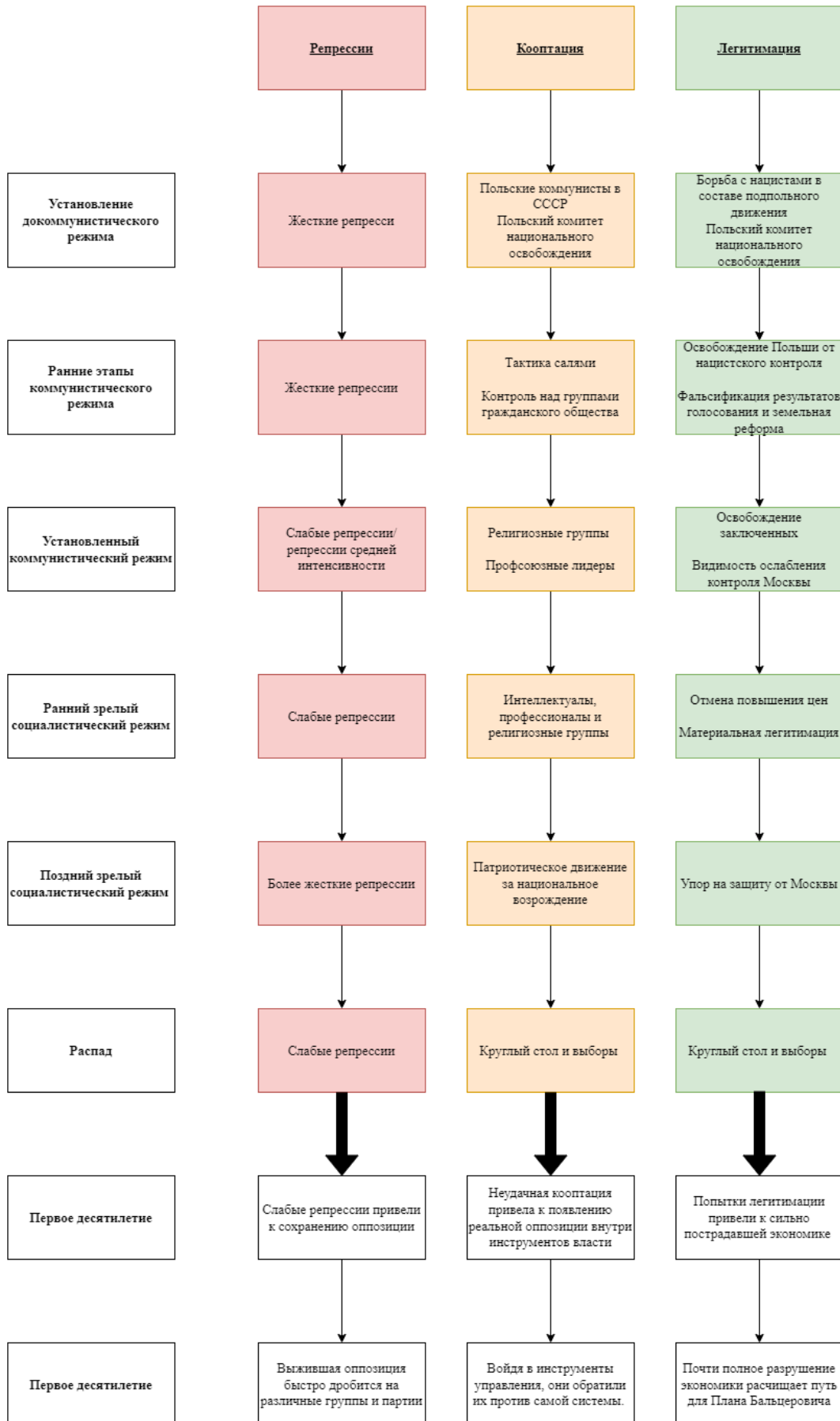

График отслеживания процессов: Обзор Украины

